

для превращения его в одно из наиболее опасных проявлений высокотехнологичного терроризма, названного «кибертерроризмом». Исследователи определяют кибертерроризм как сознательное злоупотребление цифровыми информационными системами, сетями или компонентами этих систем или сетей в целях, которые способствуют осуществлению террористических операций или актов.

По мнению Е. Роговского, можно выделить два вида кибертерроризма:

- непосредственное совершение террористических действий с помощью компьютеров и компьютерных сетей, например, перехват управления военным или инфраструктурным объектом в целях нарушения общественной безопасности или экономической деятельности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти путем угрозы осуществления аварии (катастрофы);
- использование киберпространства террористическими группами в организационно-коммуникационных целях (сбор информации, необходимой для планирования терактов, сбор денег, распространение агитационно-пропагандистской информации о террористических движениях, информационно-психологическое воздействие на население с целью шантажа, создания паники, распространения дезинформации и тревожных слухов, размещение в открытом доступе и рассылка открытых и зашифрованных инструкций, сообщений о времени встреч заинтересованных людей и проч.).

Существенно изменился образ и стиль деятельности профессионального террориста. Современный террорист способен действовать не только взрывчаткой, но и вести сетевую войну, его мотивы менее идеологизированы (ставка делается на «любителей»).

Новые методы деятельности террористов, усиление их ресурсного потенциала требуют от мирового сообщества адекватных методов контртеррористической борьбы.

И самое, пожалуй, негативное следствие – возможность использования достижений информационных технологий в целях манипуляции общественным сознанием с помощью цифрового моделирования виртуальных политических образов и событий. Практически невозможно отделить действительно происходящее от сфабрикованного. В результате у людей формируется скептическое отношение к политической информации в целом. Более того, многообразие и перенасыщенность информационного потока стирает грани между политическим информированием и развлечением, формирует культуру индивидуального (неидеологизированного) восприятия информации. Следствием этого является снижение заинтересованности граждан в использовании представительных структур (политических партий, групп интересов) во взаимоотношениях с властью.

Для минимизирования негативных следствий современной информационной среды важное значение имеют два мероприятия:

1. Формирование государственной информационной политики. Она необходима для осуществления процесса политической социализации личности в

соответствии с национальной идеологией, а также для создания условий получения гражданами информации, удовлетворяющей их базовые интересы и потребности.

2. Формирование механизма демократического общественного контроля над медиаструктурами. Контроль не должен иметь ничего общего с цензурой.

Литература

1. Роговский, Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции /Е.А. Роговский. - М.: Международные отношения, 2014. – 848 с.
2. Политические коммуникации /под ред. А.И. Соловьева. - М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
3. Уэбстер, Фрэнк. Теории информационного общества /Фрэнк Уэбстер. - М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
4. Почепцов, Г.Г. Информационно-политические технологии /Г.Г. Почепцов. - М.: Центр, 2003. – 384 с.
5. Реутов, Е.В., Тришина, Т.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения. /Е.В. Реутов, Т.В. Тришина //Социс. - 2015. - №4 - с. 140-148.
6. Горбунов, К.В., Федорова Е.Е. Информационное воздействие в современной политике. /К.В. Горбунов, Е.Е. Федорова //Социально-гуманитарные знания. - 2014. - №2. - с. 316-322.
7. Кулик, А.Н. Эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного Интернета /А.Н. Кулик //Политическая наука. - 2013. - №1. - с. 12-27.

Г.А. Трафимова

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва)

Развитие современного общества тесно связано с развитием информационных технологий, увеличивающих возможности людей в областях коммуникации, проектирования, моделирования и организации различных процессов. Экономические, политические, социальные и социально-культурные изменения под воздействием совершенствующихся информационных технологий становятся все более многочисленными.

Стремительные перемены в обществе, которое все чаще называют «информационным», заметнее всего на примере социальных институтов, в которых изменяется характер всех типов социальных отношений. Новый уровень взаимодействия людей с информацией предполагает и новый уровень необходимых для жизни в современную эпоху знаний и умений. По оценкам специалистов,

«цифровая Вселенная» сильно увеличивается в своем объеме: если в последней четверти прошлого века шло удвоение каждые 7 лет, то к 2010 г. ожидалось, что удвоение будет происходить каждые 11 часов [1]. Как следствие, общество нуждается в серьезных трансформациях социальных институтов и, прежде всего, института образования. Необходимость такой трансформации обсуждается на различных уровнях. Так, на Давосском Экономическом Форуме в январе 2016 г. обсуждался вопрос о том, что рост интеллектуальных технологий может привести к массовым потерям рабочих мест среди низкоквалифицированных работников. Эксперты признали необходимость внедрения на уровне государств современного формата обучения людей с учетом тенденций развития новых технологий и формируемых под их влиянием новых личных и социальных потребностей. Не случайно растет интерес к дистанционным формам обучения как в школьном, так и в вузовском образовании [2].

Одним из ярких примеров масштабного институционального преобразования общества является реализация концепции «электронного правительства» (E-Government). «Электронным правительством» принято называть интернет-технологии, обеспечивающие информационное взаимодействие органов власти с населением и институтами общества. В управленческой и научной литературе «электронное правительство» рассматривается как единое социально ответственное и информационно открытое, с постоянной обратной связью, учреждение (институт) [3, с.73]. Аналогично употребляются понятия «электронный бизнес» («E-Business»), «электронный гражданин» («E-Citizen»), «электронные муниципалитеты», «электронное голосование».

Наиболее очевидными преимуществами «электронного правительства» являются упрощение бюрократических процедур, значительное сокращение срока оформления документов, обеспечение легко верифицируемой, строгой налоговой подотчетности юридических и физических лиц посредством введения унифицированной системы электронного учета, увеличение объема бюджетных поступлений, сокращение масштабов коррупции и, соответственно, рост доверия граждан к институтам власти [3, с.74].

К началу XXI в. наиболее развитыми технологиями «электронного правительства» отличались США, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Норвегия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Дания и Германия. В этих странах в рамках деятельности «электронного правительства» не только доступны многие виды государственных услуг (так, в Сингапуре можно получить более 2 тыс. таких услуг), но и очевиден социально-экономический эффект (например, сокращение государственного аппарата).

Тенденция развития систем электронного правительства в большинстве стран – стремление к формированию «цифровой демократии» (digital democracy) как возможности прямого участия граждан в решении вопросов различного уровня путем online голосования. В настоящее время внедрение электронных систем голосования реализуется в целом ряде стран. Так, широко известен пример референдумов в Швейцарии, где используются одноразовые карточки для электронного голосования. Удачным признан опыт Бразилии, по-

степенно внедрявшей электронную систему голосования в течение 1996-2002 гг. Однако не во всех случаях электронные системы голосования оправдывают возлагавшиеся на них надежды. Так, в США в 2006 г. 66 млн. избирателей могли воспользоваться системами электронного голосования, но сделали это только 15% из них [6]. Это говорит о проблемах в использовании возможностей интерактивной политической коммуникации. Кроме того, реализация концепции «электронного правительства» предполагает решение задачи создания единых стандартов для государственных информационных систем: стандартов данных, стандартов межведомственного обмена информацией, стандартов безопасности и т.д. На этом пути усилия большинства государств сильно различаются.

В этом плане интересным является опыт Эстонии. Помимо повсеместного внедрения электронной карты (ID-карты) в качестве способа идентификации личности, Эстония пошла по пути присвоения электронного гражданства. С декабря 2014 г. любому желающему предоставлена возможность приобрести статус «электронного резидента», который предусматривает не реальное, а виртуальное присутствие на территории страны. Наличие статуса «электронного резидента» дает целый ряд выгодных преимуществ, особенно при ведении бизнеса. Посредством использования электронной подписи обладатели ID-карты электронного резидента получают доступ к удобной системе предоставления государственных услуг и банковского обслуживания. При этом на «э-резидента» не налагаются какие-либо дополнительные налоговые обязательства. Облегченные условия ведения бизнеса для «э-резидента» предполагают минимизацию времени для регистрации компаний, что будет способствовать росту числа новых компаний, созданию новых рабочих мест и другим экономическим эффектам. В планах Эстонии – привлечь 10 млн. виртуальных резидентов к 2025 г., получив при этом до 500 млн. евро только за счет уплаты государственной пошлины при подаче заявления на приобретение статуса «э-резидента» [4]. Кроме экономических, проект предусматривает и такие цели, как рост численности населения, компенсирующий миграционный отток из страны.

На наш взгляд, все эти примеры показывают глобальный масштаб происходящих изменений. Тем не менее, о полной замене государственного аппарата на «электронное правительство» речи не идет, во всяком случае, в обозримом будущем. Доступ к Интернету даже в высокоразвитых странах имеют не более 80% населения, поэтому цифровое неравенство, являющееся видом социального неравенства, является барьером на пути развития «электронного правительства» и других персонально ориентированных информационных технологий. Проведенное в Великобритании исследование отношения населения к «электронному правительству» показало, что наиболее благоприятно к этой идее относятся более богатые и занимающие высокие статусные позиции индивиды и социальные группы, в свою очередь, низкостатусные группы проявляют гораздо меньший интерес к «электронно-государственным услугам» [3].

Важнейшим аспектом развития информационных технологий в целом является доверие к связанным с этими технологиями институтам. Случаи утечки

информации различного характера даже из защищенных баз данных ставят на первый план проблему сохранности конфиденциальной и личной информации в правительственных базах. В этом плане не удивительны дискуссии, которые велись по поводу внедрения единого электронного удостоверения личности в США в 1990-е гг. Тотальный социальный контроль многими воспринимается как угроза правам человека. Вместе с тем миграционный кризис в Европе в 2014-15 гг. показал необходимость более тщательного миграционного контроля, в частности, с использованием электронизации документооборота.

Еще одной значимой проблемой является недостаточный уровень «цифровой культуры» всех социальных субъектов. С одной стороны, стать подлинно «электронным гражданином», а не пользователем отдельных услуг, очень не просто. С другой стороны, периодически возникающие ситуации с обнародованием персональных данных миллионов людей свидетельствует о доступности такой информации, что означает неготовность отдельных людей и социальных структур к жизни в «цифровом обществе», требующем соблюдения правил кибербезопасности. Так, если при использовании общественной сети Wi-Fi для передачи конфиденциальной информации ответственность за кражу данных принято возлагать на самих беспечных пользователей, то при хакерских атаках применительно к крупным организациям (банкам, СМИ, госструктурам и т.д.) очевидны организационные недоработки в системе информационной безопасности этих структур. При этом сама возможность нанесения вреда информационной, технологической, политической и экономической безопасности с помощью информационных технологий даже применительно к государствам ни у кого не вызывает сомнений.

Таким образом, при анализе тенденций развития современных информационных технологий и их применения в различных сферах жизни общества необходимо учитывать то, как получаемые результаты отражаются на жизни конкретных людей и социальных групп, а также на социальных, экономических или политических изменениях в системе государственного управления. Целый ряд факторов социального, политического, психологического, финансового и организационного характера затрудняют широкое внедрение тех или иных информационных технологий, идет ли речь о переводе на «цифровую» основу образования или использовании возможностей интерактивной экономической и политической коммуникации. Очевидно, что необходима выработка комплексных междисциплинарных решений с учетом всех технологических, экономических, политических и социальных условий, сложившихся к настоящему времени как на локальном, так и на глобальном уровне.

Литература

1. Богданова, Д. Образовательные парадигмы в цифровую эпоху // Problem of Computer Intellectualization. V.M Glushkov Institute of Cybernetics of National Academy of Sciences of Ukraine. 2012. Kiev, Ukraine – Sofia, Bulgaria. [Электронный документ]. Режим доступа - [http:// foibg.com/ibs_isc/ibs-28/ibs-28.htm](http://foibg.com/ibs_isc/ibs-28/ibs-28.htm) - Дата вхождения 10.03.2016.

2. Ирхин, Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) [Текст] / Ю.В.Ирхин // Социологические исследования. – 2006. - № - С.73-82.

3. Навальный С.В. Электронное голосование: опыт зарубежных стран и перспективы применения в Российской Федерации // Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции, перспективы. [Электронный документ]. Режим доступа - <http://izbircom.admkrsk.ru/PublishingImages/библиотека/конф-2010.pdf>. - Дата вхождения 10.03.2016.

4. Михеев А., Богучарский А. Зачем Эстонии «электронные резиденты»? // [Электронный документ]. Режим доступа - <http://old.mgimo.ru/news/experts/document267797.phtml> - Дата вхождения 10.03.2016.

Н.А. Ястреб

ВЫСОКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ²⁸

(Вологодский государственный университет)

Одной из наиболее заметных тенденций в переосмыслении концептуальных оснований конвергентных технологий стало введение в их состав социальных технологий, с которыми связываются важнейшие изменения в понимании как сути самих технологических знаний, так их преобразующего общества потенциала. Социальные технологии состоят в использовании знаний о человеке и обществе для осуществления воздействия на социум и процессы, происходящие в нем. Гуманитарные технологии, в свою очередь, фокусируются на человеке, изменении его поведения, когнитивных или иных личностных особенностей, ценностей, интеллекта, жизненных приоритетов, т.е это «производство новых способов деятельности» [5, с. 63]. Если основным ресурсом традиционных технологий является материя в той или иной форме, то главным ресурсом гуманитарных технологий являются человек и знание [1].

В к. XX в. появляется термин «высокие гуманитарные технологии» (hi-hume), предметом которых является «преобразование биосоциальной природы человека, т.е. трансформация его генетического, когнитивно-логического и социокультурного кодов» [6, с. 283].

Высокие гуманитарные технологии направлены на осознанное проектирование человека и общества, это «методики, позволяющие эффективно и целенаправленно воздействовать на "общественное сознание" и тем самым на общественные процессы» [4], или «воздействие и формирование живого чело-

²⁸ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МД-6200.2016.6 "Семиотические основания техники и технического сознания"